

1-1-2020

Political dialogue, intra-Afghan stability and regional security of Central Asia

I. Bobukulov

University of World Economy and Diplomacy

Follow this and additional works at: <https://uzjournals.edu.uz/intrel>

Part of the [Defense and Security Studies Commons](#)

Recommended Citation

Bobukulov, I. (2020) "Political dialogue, intra-Afghan stability and regional security of Central Asia," *International Relations: Politics, Economics, Law*. Vol. 2019 : Iss. 34 , Article 7.
Available at: <https://uzjournals.edu.uz/intrel/vol2019/iss34/7>

This Article is brought to you for free and open access by 2030 Uzbekistan Research Online. It has been accepted for inclusion in *International Relations: Politics, Economics, Law* by an authorized editor of 2030 Uzbekistan Research Online. For more information, please contact sh.erkinov@edu.uz.

АФГАНИСТАН: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, БЕЗОПАСНОСТИ И ЭКОНОМИКИ

- Афғонистон-сиёсат, хавфсизлик ва иқтисодиёт масалалари ■
- Afghanistan: Political, economical and security issues ■

И. Бобокулов

Политический диалог, внутриафганская стабильность и региональная безопасность Центральной Азии

---

*«Безопасность Афганистана – это безопасность Узбекистана,
залог стабильности и процветания всего обширного региона
Центральной и Южной Азии.»*

Ш. Мирзиёев

Нынешняя нестабильная обстановка в Афганистане, сложившаяся в результате очередной попытки силового развязывания «афганского узла», вновь демонстрирует миру бесперспективность военного решения проблемы. Наблюдается удивительное совпадение позиций сторон конфликта, мировых и региональных держав и соседей Афганистана: политическое урегулирование – неперемное условие достижения внутриафганского мира. (Как ни парадоксально, в 2001 г. все заинтересованные государства единодушно поддержали усилия США по противодействию «глобальной угрозе терроризма», кульминацией которых стало свержение правительства талибов.)

В свете отказа «Талибан» иметь прямые контакты с афганским правительством действенными участниками политического диалога выступают официальный Вашингтон и талибы, т.е. две из трех сторон конфликта. Достижение консенсуса в этом вопросе стало бы существенным шагом вперед и началом конца очередного внешнего военного вмешательства в афганские дела.

Бобокулов И.И., докт. юр. наук, профессор кафедры «Международное публичное право и государственные правовые дисциплины», УМЭД.

И. Бобокулов

Однако перспективы прямых межафганских переговоров усложняются как внутривластной ситуацией, обусловленной недееспособностью тандема Ашрафа Гани и Абдулла Абдулла выработать согласованные позиции в предстоящих переговорах с талибами, так и неприемлемой позицией «Исламского Эмирата Афганистана»¹ в отношении официального Кабула.

От конфликта к диалогу?

В середине 90-х годов прошлого века в условиях внутривластной раздробленности, кризиса центральной власти и вакуума безопасности на авансцену вышла новая сила – талибы. За короткое время «слушатели медресе» взяли под свой контроль более 90 % территории страны, положив конец «феодальной раздробленности» и консолидировав свою власть под эгидой «Исламского эмирата Афганистана». Северный альянс, объединив другие вооруженные группировки, выступил против власти и влияния талибов². Статус-кво, обусловленный их вооруженным противостоянием, продолжался до начала глобальной войны против терроризма, эпицентром которой стала территория Афганистана и афганско-пакистанское приграничье.

События 11 сентября 2001 г. в США внесли серьезное изменение в расстановку сил в Афганистане. Северный альянс из одной стороны конфликта превратился в ключевого партнера и союзника международной коалиции во главе США и стал влиятельной внутриафганской силой в постталибовском Афганистане. Боннская конференция³ лишь укрепила позицию альянса, сделав его доминирующей фракцией в афганском правительстве⁴. Северный альянс при поддержке международной коалиции действовал вполне в духе принципов классики конфликтологии – «конфликт всегда есть стремление к доминированию, возможности направлять и контролировать действия другой стороны» [1].

Поддержав одну из сторон межафганского конфликта, международное сообщество не смогло поставить точку в нем. Свержение правительства талибов силами коалиции и ее афганскими союзниками, бес-

¹ Официальное название правительство талибов, существовавшее в 1996-2001 гг. в Афганистане.

² В состав Северного альянса вошли «Иттихад-и Ислам» (Абдул Раб Расул Сайяф), Джумбуши Милли (Абдул Рашид Достум), «Джамият-и Ислам» (Бурхануддин Раббани, Ахмад шах Масуд и Исамил Хан) и «Хезб-е Вахдат» (Карим Халили). Бурхануддин Раббани считался формальным лидером альянса.

³ Лахдар Брахими, спецпредставитель Генерального секретаря ООН по Афганистану и архитектор первого Боннского соглашения, постфактум называл исключение «Талибана» из Боннского соглашения и соответственно из процесса формирования переходной администрации ошибкой (См.: *Brahimi L. A New Path for Afghanistan // Washington Post, Sunday, 7 December, 2008*).

⁴ В переходной администрации Афганистана, утвержденной участниками Боннской конференции, пятнадцать из двадцати пяти министерских портфелей, включая ключевые министерства иностранных дел, обороны, внутренних дел и юстиции, занимали представители Северного Альянса.

спорно, привело к прекращению функционирования формальных государственных институтов «Исламского эмирата». Однако социальная база, структурные и институциональные основы движения сохранили определенную устойчивость, способность к консолидации и потенциал востребованности для заинтересованных внешних сил. Материализация этих факторов и трансформация деятельности «Талибан» в сложившихся условиях существенно изменили его положение как на национальном (афганском), так и на региональном уровне.

Конфликт определенно способствовал сплочению рядов талибов и укреплению их вертикали власти. В ходе противостояния с международной коалицией и афганскими силами безопасности движение смогло мобилизовать большее число сторонников¹. Институциональные и структурные преобразования, связанные с именами муллы Абдула Гани Барадара, Ахтара Мансура и Хайбатулла Ахунзады, позволили движению воссоздать достаточно монолитную, централизованную и эффективную систему властной структуры. В этой связи афганские эксперты Абубкар Сиддикий и Борхан Осман отмечают, что именно наличие четкой иерархии, объединенного центрального командования и сплоченности в рядах «Талибана» сыграли ключевую роль «в выживании движения» и «предотвращении его фрагментации» [2].

Движение имеет собственную повестку дня, осознанные цели и сформулированные программы, которые входят в противоречие с позицией действующего правительства Афганистана. На современном этапе главной целью талибов является *утверждение статуса движения в качестве национального феномена и обеспечение его признания в качестве легитимной политической силы*.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что относительный успех стратегии талибов, нацеленной на расширение и укрепление своей власти и влияния в Афганистане, обусловлен, *во-первых*, определенной устойчивостью и сплоченностью институтов «Талибан» и последовательной политикой на фоне сложной военно-политической обстановки в ИРА, имеющей тенденцию к ухудшению; *во-вторых*, затяжным кризисом афганского правительства и недееспособностью политической

На современном этапе главной целью талибов является утверждение статуса движения в качестве национального феномена и обеспечение его признания в качестве легитимной политической силы.

¹ По некоторым данным, боевиков «Талибан» насчитывается около 60 тыс. чел. В 2014 г. этот показатель не превышал 20 тыс. (по данным США) или 35 тыс. (по данным Tolo News). См.: Bill Roggio. US officials estimate Taliban strength at a minimum of 60,000 fighters [https://www.longwarjournal.org/archives/2018/01/us-officials-estimate-taliban-strength-at-a-minimum-of-60000-fighters.php].

И. Бобокулов

элиты прийти к соглашению по ключевым вопросам, стоящим перед обществом и государством.

В результате «Талибан» как афганский феномен и значимый сегмент политической (этнической и социальной) жизни страны, не нашедший своего места в государственном и политическом устройстве Афганистана после 2001 г., превратился в неотъемлемую часть внутриафганской динамики безопасности, главную вооруженную оппозиционную силу, стороной конфликта и участником договорно-правовых отношений с членами международного сообщества.

США и «Талибан»: трудный путь к миру

С 2001 г. афганская стратегия Белого дома, ее позиция в отношении талибов претерпели определенную эволюцию в диапазоне от игнорирования «Талибан» как террористической организации и до его признания стороной конфликта. Впервые о необходимости примирения или «новых решений» в деле урегулирования конфликта в Афганистане было заявлено в стратегии Барака Обамы, объявленной в конце 2009 г. под названием «АфПак» [3]. Однако тогда идея примирения подразумевала установление прямого диалога между официальным Кабулом и движением «Талибан».

Что касается контактов США с талибами, то они во многом носили частный и опосредованный характер. В частности, можно упомянуть об усилиях официального Вашингтона по освобождению американского военнослужащего из плена «Талибана» или поддержке инициатив и программ правительства ИРА по реинтеграции «умеренных талибов» в афганское общество.

В этом ракурсе назначение Залмая Халилзада, 69-летнего американского дипломата афганского происхождения и бывшего посла США в ИРА при администрации Дж. Буша-мл. специальным представителем США по примирению в Афганистане (2018 г.), свидетельствует о факте вступления Соединенных Штатов в переговорный процесс и формальном признании себя в качестве (третьей) стороны конфликта.

С января 2019 г. каждая встреча представителей США и талибов в Дохе (Катар), политическом офисе движения, стало объектом особого внимания экспертного сообщества, которое с надеждой наблюдало за этим процессом. Стороны договорились относительно предмета переговоров, т.е. по тем вопросам, которые должны были стать основой рамочного соглашения. В качестве таковых были определены следующие:

- ♦ *контртеррористические гарантии/заверения талибов о том, что территория Афганистана не станет пристанищем для ведения террористической деятельности против США и их союзников;*

- ♦ *гарантии относительно вывода из Афганистана всех иностранных войск;*
- ♦ *всеобъемлющее прекращение огня;*
- ♦ *начало внутриафганских переговоров по политическому урегулированию.*

После нескольких встреч Залмай Халилзад заявил о достижении «значительного прогресса» по всем четырем направлениям [4]. Главным критерием оценки результативности переговоров был определен принцип «*ничего не достигнуто, пока не достигнуто все*» («Nothing is agreed until everything is agreed»). И это «*все*» должно было включать «*внутриафганский диалог и всеобъемлющее прекращение огня*» [5] или, по словам главного переговорщика США, «*ни по одному из четырех индивидуальных вопросов не будет заключено отдельное соглашение*» («there will be no separate official agreements on any of the four individual issues») [6]. Именно в реализации этой задачи крылась сложность миссии Залмая Халилзада. Он рассматривал начало прямых переговоров афганского правительства с талибами и прекращение огня в качестве главного условия *вывода американских войск*. Однако неизменным условием «Талибан» оставалась неприемлемость присутствия иностранных войск на территории Афганистана. Руководство «Талибан» отказывалось рассматривать иные вопросы, в том числе начало прямых переговоров с афганским правительством, пока не будет достигнуто соглашение относительно графика вывода иностранных войск при наличии гарантии со стороны ООН и/или мусульманских стран [7].

Относительно военно-политического присутствия США в ИРА следует отметить, что американский воинский контингент на ее территории сконцентрирован в рамках двух миссий: 1) миссия НАТО «*Решительная поддержка*» (более 8500 чел.), цель которой заключалась в оказании помощи афганским силам национальной безопасности, и 2) контртеррористические подразделения США в рамках миссии «*Стража свободы*» (более 5000 чел.). Более того, существуют также так называемые частные военные компании, призванные охранять объекты правительства США (здания дипломатических представительств, военные базы), вести контртеррористические операции и обучать афганские силы безопасности.

Итак, девять раундов встреч в Катаре завершились заключением мирного соглашения между США и движением

Для достижения окончательного мира в Афганистане важна политическая воля, как правительства, так и других политических (этнических, конфессиональных) групп, представители которых принимают активное участие в неформальных встречах с участием талибов.

И. Бобокулов

«Талибан» [8]. В тексте соглашения сторонам пришлось констатировать, что «упомянутые выше четыре части (т.е. вопросы, составляющие предмет переговоров. Автор) являются взаимосвязанными, и каждая из

С обретением политической независимости народами Центральной Азии ситуация в Афганистане - «сердце Азии» выступает системообразующим элементом их безопасности.

них будет выполнена в соответствии с согласованным графиком и условиями. *Договоренность по первым двум частям прокладывает путь к реализации последующих двух* (курсив автора) [9]. Иными словами, соглашение предусматривает реализацию двух из четырех задач, а именно 1) *контртеррористические гарантии/*

заверения талибов о том, что территория Афганистана не станет пристанищем для ведения террористической деятельности против США и их союзников и 2) гарантии относительно вывода из Афганистана всех иностранных войск.

Усилия по реализации принципа «ничего не достигнуто, пока не достигнуто все» имеют и обратную связь. Перспективы военно-политического присутствия США/НАТО в ИРА связаны с достижением контртеррористических гарантий талибов относительно того, что территория Афганистана не будет использована против США и их союзников в будущем. Реализация этой задачи составляет конечную цель афганской стратегии администрации Белого дома и обусловлена выполнением талибами требования международного сообщества относительно разрыва связей движения с «Аль-Каидой» и другими международными террористическими группами и индивидами.

Дело в том, что «террористический интернационал» долгие годы служил действенным инструментом при достижении целей талибов в борьбе против официального Кабула. Оба лидера «Аль-Каиды» (Усама бен Ладен и Айман аз-Завахирий) принесли присягу верности лидеру движения, хотя ни Ахтар Мансур, ни Хайбаттула Ахунзада публично не признавали этот факт. К тому же некоторые эксперты отмечают «активность «Аль-Каиды» в командных структурах «Талибана»» [10]. Утверждается, что «Талибан» и «Аль-Каида» имеют «давние» и «крепкие» отношения (ООН) и боевики «Аль-Каиды» действуют практически во всех подконтрольных талибам провинциях Афганистана [11]. Эти обстоятельства могут подорвать перспективы переговорного процесса.

В то же время способность правительства и талибов (в случае их примирения) совместно противостоять «Аль-Каиде», «Исламскому государству» и связанными с ними террористическими организациями в Афганистане подвергается сомнению. В этой связи некоторые исследователи не исключают вероятность сохранения определенного (ограни-

ченного) воинского контингента США в Афганистане, что, в свою очередь, может предполагать пролонгацию двустороннего договора между США и ИРА по безопасности от 2014 г. В частности, в Совместной декларации между ИРА и США последние подтвердили свою готовность оказывать содействие афганским силам безопасности в предотвращении «Аль-Каиды», ИГИЛ-Хорасан и других международных террористических групп или индивидов использовать афганскую территорию против США и их союзников в соответствии с *действующими соглашениями между двумя правительствами* в области безопасности [12].

Эксперты также не исключают заключения секретного соглашения о сотрудничестве между США и талибами в проведении контртеррористических операций. Это может включить использование авиации США и осуществление наземных операций против ИГИЛ-Хорасан [13] или другие формы международного военного присутствия – участия в формировании объединенных сил талибов и действующих властей [14]. Бывший посол США в ИРА Райан Крокер заявил: «В Афганистане президент Трамп имеет выбор. Он может последовать примеру Обамы и оставить страну талибам или дать ясно понять, что Соединенные Штаты имеют свои интересы, ценности и союзников и останутся защищать их» [15].

Конфликт в ИРА и перспективы внутриафганских переговоров

Несмотря на наличие политической воли правительства ИРА и активные усилия международного сообщества, прямые межафганские переговоры пока еще не стали реальностью. Отсутствие официального Кабула в переговорном процессе, как отмечает известный специалист по Афганистану Томас Руттиг, представляет собой «главную проблему» [16].

Основным фактором, препятствующим этому процессу, является не признание талибами официального Кабула в качестве партнера в переговорах. «Талибан» имеет обособленную позицию в отношении действующей Конституции [17], будущего политического устройства Афганистана, вооруженных сил и правового положения афганских женщин. Шер Мухаммад Станикзай, руководитель политического офиса «Талибана» в Дохе, заявил, что талибы не будут просто присоединяться или интегрироваться в существующую политическую систему, так как в стране отсутствует «независимая исламская система» [18].

В одном из последних заявлений под названием «Оккупация и прекращение огня», опубликованном на официальном сайте движения «Голос джихада», талибы вновь подтвердили, что вывод контингента США и установление «Исламского правительства» являются двумя основными целями движения [19].

Традиционно сдержанная внешняя политика государств Центральной Азии в афганском направлении служит укреплению их статуса в качестве нейтрального актора и медиатора в урегулировании межафганского конфликта.

Примечательно, что «Исламский эмират Афганистана» (название правительства талибов) упоминается и в наименовании мирного соглашения от 29 февраля 2020 г., когда сами талибы при обращении к действующему правительству ИРА используют термин «Кабульская администрация» [20]. Что касается действующей Конституции

Афганистана, то отмечается, что она «скопирована с Запада и навязана мусульманскому обществу Афганистана», новая Конституция, по мнению Станикзая, будет разработана афганскими учеными и интеллектуалами [21].

Видный политический деятель Афганистана Мухаммад Ата Нур, признавая «Талибан» в качестве «главной стороны конфликта», указал на наличие красных черт, от которых нельзя отступать. Таковыми, по его мнению, являются достижения в области прав женщин и национальные вооруженные силы [22]. Это была реакция на высказывание Станикзая относительно роспуска афганской армии в случае вывода коалиционных сил из Афганистана.

Реалии внутривластной жизни в Афганистане выступают еще одним обстоятельством, препятствующим началу прямых межафганских переговоров. Дело в том, что в период между двумя президентскими выборами внутривластная динамика в ИРА развивалась на фоне непростых отношений между главой государства и правительством, а в результате двойной инаугурации претендентов на пост главы государства 9 марта 2020 г. тандем Ашрафа Гани и Абдулла Абдулла окончательно распался, серьезно пошатнув хрупкий внутривластный баланс в стране, что не может не повлиять на перспективы межафганских переговоров.

В этом контексте также необходимо акцентировать внимание на неоднородности афганского политического ландшафта. Наряду с формальным субъектом, т.е. правительством, на афганской сцене присутствуют и иные акторы, которые занимают важное место во внутриафганской конфигурации сил. Это означает, что для достижения окончательного мира в Афганистане важна политическая воля как правительства, так и других политических (этнических, конфессиональных) групп, представители которых принимают активное участие в неформальных встречах с участием талибов¹.

¹ В частности, в Москве и Дохе, соответственно, в феврале, мае и июле 2019 г.

При таком раскладе сил правительство выступает одной из сторон переговорного процесса и/или в роли координатора, т.е. *primus inter pares*. Однако в этом качестве правительство национального единства не проявило свою дееспособность. В соответствии с положениями мирного соглашения между США и «Талибан», 10 марта 2020 г. должен был состояться обмен пленными между правительством и талибами, который был обозначен как «*первый день внутриафганских переговоров*» [23]. Обмен военнопленными и политическими заключенными ознаменовал бы начало прямых межафганских переговоров, что укрепило бы доверие между Кабулом и талибами. Однако, несмотря на принятие США обязательства по достижению этой цели, разногласия сторон относительно условия и порядка обмена не позволили достичь ее.

Движение «Талибан»: консолидированная сила и единый участник диалога?

Перспективы внутриафганских переговоров и постконфликтного мира в Афганистане определенно зависят от сплоченности и единства позиции талибов. Мнения экспертов в этом вопросе расходятся: движение характеризуется как «одно из наиболее сплоченных акторов в Афганистане» [24] или, согласно противоположной точке зрения, «неоднократное обезглавливание верхушки «Талибан» и жизнь в изгнании стали причиной ослабления управленческих способностей талибов» [25].

Внутренняя борьба в рядах «Талибан» относительно преемственности власти после смерти муллы Омара в 2015 г. способствовала расколу и отчуждению от основного движения ряда известных полевых командиров, что может служить подтверждением одного из вышеуказанных тезисов. За годы правления муллы Ахтара Мансура межплеменная борьба стала характерной чертой деятельности Кветтинской шуры. Мансур, происходящий из племени исхакзай, отстранил от руководства и/или понизил в должности представителей иных пуштунских племен, в частности муллу Абдула Рауфа Хадема, принадлежащего к племени ализай, и таких известных полевых командиров и членов *Рахбари шуры*, как мулла Абдул Каюм Закир (Ализай) и Мухаммад Расул Ахунд (Нурзай).

Однако усилия Хайбатуллы Ахундзады, преемника Мансура на посту лидера движения, по консолидации власти и сплочения разоб-

Президент Республики Узбекистан подчеркнул: «Невозможно говорить о мирной и процветающей Центральной Азии, не решив афганскую проблему». Одной из первоочередных задач в деле умиротворения Афганистана является «всестороннее содействие его интеграции в региональные экономические процессы».

И. Бобокулов

щенных командиров и влиятельных лиц увенчались определенным успехом. Примирение с влиятельным полевым командиром Абдулом Каюмом Закиром, его возвращение в *Рахбари шура* и назначение руководителем комиссии по логистике несколько укрепило положение Ахунзады в Кветтинской шуре [26].

Вместе с тем, по мнению Антонио Густоззи, позиция Хайбатуллы Ахунзаде в руководстве организации ослабевает и в случае снижения активности он рискует потерять внешнюю и внутреннюю поддержку. Главной причиной неустойчивой позиции действующего лидера движения указывается существующий конфликт между Ахунзадой и Сиражиддином Хаккани, его заместителем и лидером «сети Хаккани». Утверждается, что Сиражиддин Хаккани (из племени задран), занимая ключевую должность в руководстве движения, обеспечил себе беспрецедентное влияние в Кветте и на юге Афганистана [27], в зоне традиционного влияния племени дуррани.

Между тем некоторые исследователи, ссылаясь на результаты бесед с представителями «сети Хаккани», отмечают готовность группы к диалогу и признанию ведущей роли *Кветтинской шуры* в переговорах [28]. Хотя в этом случае речь идет о прямых переговорах с Вашингтоном, а не с Кабулом. Следует также отметить участие Анаса Хаккани, представителя «сети Хаккани», в церемонии подписания мирного соглашения с США в составе делегации талибов во главе с муллой Барадара в Дохе. Отмечается, что «сеть Хаккани» преобразуется из автономной в финансовом, территориальном и операционном смысле группы в национальную повстанческую силу и поддерживает стремление

Декларация, принятая на Международной конференции высокого уровня по Афганистану в Ташкенте, стала своего рода «дорожной картой» внутриафганского примирения.

руководства движения создать легитимную власть в Афганистане [29].

Стремления талибов к сплоченности и единство их позиции также обусловлены уровнем связей «Талибан» с властями Пакистана. Руководство талибов проводит целенаправленную политику в этом направлении. В качестве примера можно привести

факт открытия политического офиса движения в Катаре, фактически его внешнеполитического ведомства за пределами Пакистана.

Более того, новое поколение полевых командиров среднего звена и рядовых боевиков движения являются выходцами из афганских сел и представляют различные регионы и этнические группы Афганистана. В отличие от старого поколения талибов и их руководства они не ассоциируют себя с Пакистаном и его властью. Поэтому перемещение базы рекрутирования из племенной полосы в афганские села расценивается

экспертами как «фундаментальное изменение во взаимных отношениях «Талибана» с пакистанскими властями» [30].

Тем не менее определенное идеологическое, племенное и политическое (целевое) разнообразие имеет место быть в рядах «Талибан». Определенная группа талибов преследует цель достижение военной победы над Кабулом и, следовательно, не склонна поддерживать политический диалог [31]. В этом плане высока вероятность того, что часть талибов, недовольных заключением политического соглашения с властями ИРА, могут вливаться в структуры таких террористических организаций, как «Аль-Каида» и Вилаят Хорасан, ячейки так называемого «Исламского государства». В этом смысле можно провести аналогию с гражданской войной в Таджикистане, когда мирное соглашение между таджикской оппозицией и официальным Душанбе в 1997 г. вынудило несогласных с ним боевиков и террористические группировки искать убежище за пределами Таджикистана, в том числе в Афганистане.

Север ИРА с его родственными для Центральной Азии народами и общими физико-географическими условиями составляет часть регионального комплекса безопасности Центральной Азии. Поэтому динамика безопасности в этой части Афганистана не может не волновать сопредельные государства.

Политический диалог и региональная безопасность Центральной Азии

С обретением политической независимости народами Центральной Азии ситуация в Афганистане – «сердце Азии» выступает *системообразующим элементом* их безопасности. Данное обстоятельство обуславливается рядом факторов, базовыми из которых являются географическая близость, общность границ, истории, религии и цивилизации народов Центральной Азии и Афганистана. Будучи фундаментальными основами взаимодействия государств, эти факторы предопределяют единство судеб этих стран и народов.

В кругу соседей Афганистана государства Центральной Азии по уровню их экономической и политической вовлеченности в «афганские дела» не занимают доминирующего положения. В этом смысле ведущая роль принадлежит иным региональным и мировым игрокам, которые имеют высокую степень вовлеченности и интеграции в политику и экономику Афганистана.

В то же время «низкая интенсивность» или традиционно сдержанная внешняя политика государств Центральной Азии в афганском направлении служит укреплению их статуса в качестве нейтрального актора и медиатора в урегулировании межафганского конфликта и усиле-

Дальнейшее укрепление сотрудничества ИРА с соседними странами, наличие устойчивой и надежной международной поддержки и достижение регионального консенсуса, будучи «материальной основой» долгосрочной стабильности и процветания обширного региона Центральной и Южной Азии, представляется более важным, чем двусторонние переговоры сторон.

нию их потенциала в качестве альтернативы в развитии экономической кооперации с ИРА.

Официальный Ташкент рассматривает Афганистан как неотъемлемую часть Центральной Азии. Следовательно, устойчивое развитие региона и внутриафганская стабильность являются взаимосвязанными. Как неоднократно подчеркивал Президент Республики Узбекистан, «невозможно говорить о мирной и процветающей Центральной Азии, не решив афганскую проблему» [32].

В этой связи глава нашего государства подчеркивает, что одной из первоочередных задач в деле умиротворения Афганистана является «всестороннее содействие его интеграции в региональные экономические процессы» [33].

Как результат нейтральной позиции и политики невмешательства, отмечает министр иностранных дел Республики Узбекистан А. Камитов, Узбекистан пользуется заслуженным авторитетом и доверием среди всех афганских политических сил, включая движение «Талибан». Именно в Узбекистане удалось реально «подтолкнуть» «Талибан» к вовлечению в переговорный процесс [34]. Декларация, принятая на Международной конференции высокого уровня по Афганистану в Ташкенте, стала своего рода «дорожной картой» внутриафганского примирения.

Представляется, что деятельность «Талибан» в контексте региональной безопасности Центральной Азии имеет двоякое значение. С одной стороны, государства региона осознают потенциал и перспективную роль движения в будущем политическом устройстве Афганистана и рассматривают его в качестве вооруженной оппозиции и стороной межафганского конфликта. В этом качестве представители движения неоднократно заявляли о том, что они уважают территориальную целостность и государственный суверенитет соседних государств, не вмешиваются в их внутренние дела.

В частности, в заявлении от 29 ноября 2016 г. руководство «Талибан» выразило поддержку и готовность движения обеспечить безопасность всех национальных проектов, реализуемых на территории Афганистана. В заявлении упоминаются такие энергетические и инфраструктурные проекты, как CASA-1000, ТАПИ, проект по разработке месторождения меди Айнак в провинции Логар, а также строительство пло-

тин и гидроэлектростанций. В заявлении говорится, что эти проекты «соответствуют директивам Исламского эмирата, ... способствуют процветанию Афганистана и отвечают интересам нации». Эти заявления «Талибана», по мнению ведущего немецкого специалиста по Афганистану Гюнтера Кнабе, направлены на достижение конкретной стратегической цели – «признание его в качестве легитимной политической силы» [35].

С другой стороны, талибы предоставляют убежище и активно используют террористические группировки центральноазиатского происхождения в качестве действенного инструмента достижения своих целей, главным образом на севере Афганистана. Подчеркнем, что север ИРА с его родственными для Центральной Азии народами и общими физико-географическими условиями составляет часть регионального комплекса безопасности Центральной Азии. Поэтому динамика безопасности в этой части Афганистана не может не волновать сопредельные государства. И, следовательно, многое зависит от дальнейшей стратегии талибов и правительства Афганистана в отношении судьбы подконтрольных им группировок в случае подписания мирного соглашения с официальным Кабулом.

Дальнейшее укрепление *сотрудничества ИРА с соседними странами, наличие устойчивой и надежной международной поддержки и достижение регионального консенсуса*, будучи «материальной основой» долгосрочной стабильности и процветания обширного региона Центральной и Южной Азии, по мнению исследователей, представляется более важным, чем двусторонние переговоры сторон [36]. Важность достижения регионального консенсуса в политическом урегулировании конфликта в Афганистане отмечается также в Совместной декларации между правительством ИРА и США.

Вовлечение внешних сил в межафганский конфликт (закономерное для политического реализма и природы современных международных отношений) лишь усугубило ситуацию в Афганистане. Круг участников конфликта и их цели не подверглись серьезному изменению, хотя происходила определенная трансформация деятельности существующих альянсов, что является естественным при эволюции конфликта.

Обособленная позиция «Талибана» и отсутствие консолидированной «афганской стороны», включающей в себя как правительство, так и иных политических акторов, с учетом этнического, племенного и

Установление прямых внутриафганских переговоров - это начало сложного процесса по достижению долгосрочного мира и стабильности в Афганистане.

И. Бобокулов

религиозного разнообразия Афганистана остаются препятствующими факторами на пути запуска механизма прямых внутриафганских переговоров.

Признавая решающую роль политического диалога с вооруженной оппозицией, каковой является движение «Талибан», выделим тот факт, что возможная интеграция талибов в политическую систему Афганистана в случае достижения их согласия с официальным Кабулом не будет означать *ipso facto* достижения внутривнутриполитического, этнического и племенного равновесия в стране. Установление прямых внутриафганских переговоров – это начало сложного процесса по достижению долгосрочного мира и стабильности в Афганистане.

Литература

1. Политическая энциклопедия. В 2 Т. Т. 1. / Нац. обществ.- научн. фонд. – М.: Мысль, 2000. – С. 566-567.
2. *Abubakar Siddique*. The Quetta Shura: Understanding the Afghan Taliban's Leadership // *Terrorism Monitor* Volume 12, Issue 4, 2014. [<https://jamestown.org/program/the-quetta-shura-understanding-the-afghan-talibans-leadership/>]; «Талибан»: структура, вызовы и перспективы. [http://www.bbc.com/russian/international/2015/09/150923_afghan_taliban_structure].
3. См.: *Ashley J. Tellis*. Reconciling With The Taliban? Toward an Alternative Grand Strategy in Afghanistan [https://carnegieendowment.org/files/reconciling_with_taliban.pdf].
4. *Mujib Mashal*. U.S. and Taliban Agree in Principle to Peace Framework, Envoy Says [<https://www.nytimes.com/2019/01/28/world/asia/taliban-peace-deal-afghanistan.html>].
5. U.S., Taliban Agree In Principle To Afghan Peace “Framework” [<https://www.nytimes.com/2019/01/28/world/asia/taliban-peace-deal-afghanistan.html>].
6. *Thomas Ruttig*. Before Doha 7: Afghanistan peace efforts recovering from a lull? [<https://www.afghanistan-analysts.org/nothing-is-agreed-until-everything-is-agreed-first-steps-in-afghan-peace-negotiations/>].
7. См.: *Thomas Ruttig*. “Nothing is agreed until everything is agreed”: First steps in Afghan peace negotiations [<https://www.afghanistan-analysts.org/nothing-is-agreed-until-everything-is-agreed-first-steps-in-afghan-peace-negotiations/>].
8. См.: Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America [<https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf>].
9. Ibid.
10. *Scott DesMarais*. The Flawed U.S. Approach to Afghanistan [<https://smallwarsjournal.com/blog/flawed-us-approach-afghanistan>].

11. См.: *Scott DesMarais and Emily Estelle*. Al Qaeda expands its presence in Afghanistan [<http://www.understandingwar.org/backgrounder/al-qaeda-expands-its-presence-afghanistan>]; UN Security Council [https://digitallibrary.un.org/record/3813209/files/S_2019_570-EN.pdf].
12. См.: Joint Declaration between the Islamic Republic of Afghanistan and the United States of America for Bringing Peace to Afghanistan [<https://www.state.gov/joint-statement-on-the-signing-of-the-u-s-taliban-agreement/>].
13. *Ryan Crocker*. I was ambassador to Afghanistan. This deal is a surrender [https://www.washingtonpost.com/opinions/i-was-ambassador-to-afghanistan-this-deal-is-a-surrender/2019/01/29/8700ed68-2409-11e9-ad53-824486280311_story.html].
14. См.: *Andrew Watkins*. Taliban fragmentation: a figment of your imagination? [<https://warontherocks.com/2019/09/taliban-fragmentation-a-figment-of-your-imagination/>]; Thomas Ruttig and Martine van Bijlert. US-Taliban talks: An imminent agreement without peace? [<https://www.afghanistan-analysts.org/us-taliban-talks-an-imminent-agreement-without-peace/>].
15. См.: *Barnett Rubin*. The real challenge for Afghanistan isn't negotiating with the Taliban [https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/the-real-challenge-for-afghanistan-isnt-negotiating-with-the-taliban/2019/01/30/12229732-23ee-11e9-ad53-824486280311_story.html].
16. См.: *Thomas Ruttig*. "Nothing is agreed until everything is agreed": Op. cit.
17. Taliban denounces Constitution at start of Moscow talks [<https://www.tolonews.com/afghanistan/taliban-denounces-constitution-start-moscow-talks>].
18. См.: *Bill Roggio*. Taliban's prime objectives: U.S. withdrawal, "establishment of an Islamic Government" [<https://www.longwarjournal.org/archives/2019/09/talibans-prime-objectives-us-withdrawal-establishment-of-an-islamic-government.php>].
19. Ibid.
20. *Thomas Ruttig*. From Doha to Peace? Obstacles rising in the way of intra-Afghan talks [<https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/from-doha-to-peace-obstacles-rising-in-the-way-of-intra-afghan-talks/>].
21. *Thomas Ruttig*. "Nothing is agreed until everything is agreed". Op.cit.
22. См.: Noor Proposes 'Bonn Model Interim Govt' For Lasting Peace // [<https://www.tolonews.com/afghanistan/noor-proposes-'bonn-model-interim-govt'-lasting-peace>].
23. Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America [<https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf>]
24. *Andrew Watkins*. Op. cit.
25. *Ketti Davison*. Afghanistan: a tale of two withdrawals [<http://www.understandingwar.org/backgrounder/afghanistan-tale-two-withdrawals>].
26. См.: *Antonio Giustozzi*. Do the Taliban have any Appetite for Reconciliation with Kabul? [<https://www.crpaweb.org/single-post/2018/03/20/Do-the-Taliban-Have-any-Appetite-for-Reconciliation-with-Kabul-Antonio-Giustozzi>].
27. Ibid.
28. См.: *Pickering Th.R.* Negotiating Afghanistan: When? With Whom? About What? // PRISM 3, 2012, No. 1. P.24; 2014 and Beyond: U.S. Policy Towards Afghanistan and Pakistan. Testimony by Ashley J. Tellis, House Committee on Foreign Affairs, Subcommittee on the Middle East and South Asia, 3 November 2011 [https://carnegieendowment.org/files/1103_testimony_tellis.pdf].

И. Бобокулов

---

29. См.: *Andrew Watkins*. Op. cit.

30. Ibid.

31. *Александр Мантыцкий*. Мирное соглашение с талибами не гарантирует прекращения войны в Афганистане [<http://afghanistan.ru/doc/131997.html>].

32. Стратегическое видение Президента Шавката Мирзиёева вопросов обеспечения региональной безопасности и решения афганской проблемы [<https://mfa.uz/ru/press/news/2020/02/23576/>].

33. Выступление Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // 20.09.2017. [<http://www.press-service.uz/ru/lists/view/1063>]

34. Там же.

35. Зачем талибы меняют свою стратегию в Афганистане? 7 декабря 2016. [<http://news.sputnik.ru/politika/63a60e1cebfb57ac20b2edcb741932afb366947>].

См.: *Barnett Rubin*. Op. cit.